

ЛОГОС

#2 (98) 2014

СОВЕТСКОЕ • СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

CONTENTS

- 1** DANIL RAZEEV. Cognitive Machinery and the Phenomenal Flow of Consciousness
- 15** GARRIS ROGONYAN. Descartes and an Indifferent Deceiver
- SOVIET
- 43** ROMAN GROMOV. Philosophy as an Object of Legal Regulation. Ways of Professionalizing Philosophical Education in the USSR
- 65** EGOR SOKOLOV. The Academic Community: Politics and Boundaries. The Case of Merab Mamardashvili
- 89** LILYA KAGANOVSKY. How Steel was Melted
- 123** ANNA GANZHA. Soviet Music as an Object of Stalinist Cultural Policy
- 156** IRINA GLUSCHENKO. Manifesting Soviet Everyday Life by Estrangement
- SOCIALIST
- 167** BORIS KAGARLITSKY. Paternalism and Liberalism
- 181** ANNA OCHKINA. The New Welfare State as the Model of Post-Crisis Development
- 215** ALEXEY SIMOYANOV. The Social State. Its Essence, Criteria, Indicators
- 235** RUSLAN DZARASOV. From Social State to World Crisis. And Back?
- 261** The Monk of Culture. In Memory of Roman Gromov

СОДЕРЖАНИЕ

- 1** Даниил Разеев. Когнитивная машинерия и феноменальный поток сознания
- 15** Гаррис Рогомян. Декарт и равнодушный Обманщик
- СОВЕТСКОЕ
- 43** Роман Громов. Философия как объект правового регулирования. Пути профессионализации философского образования в СССР
- 65** Егор Соколов. Академическое сообщество: политика и границы. Случай Мераба Мамардашвили
- 89** Лиля Кагановская. Как расплавлялась сталь
- 123** Анна Ганжа. Советская музыка как объект сталинской культурной политики
- 156** Ирина Глущенко. Советская повседневность через призму очуждения
- СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
- 167** Борис Кагарлицкий. Патернализм и либерализм
- 181** Анна Очкина. Новое социальное государство как модель посткризисного развития
- 215** Алексей Симоянов. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы
- 235** Руслан Дзарасов. От социального государства к мировому кризису. И обратно?
- 261** Монах культуры. Памяти Романа Громова

Когнитивная машинерия и феноменальный поток сознания

ДАНИЛ РАЗЕЕВ

Данил Разеев. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.
E-mail: drazeev@gmail.com.

Ключевые слова: поток сознания, аргумент переполненности, тест Сперлинга.

Статья посвящена проблеме потока сознания, одной из важнейших тем в новейшей философии. В статье обсуждается так называемый аргумент переполненности, согласно которому феноменальный ряд переживаний сознания превосходит когнитивный ряд. Вводя деление потока сознания на феноменальное (а-течение) и когнитивное (с-течение), а также привлекая для своего анализа тест Сперлинга, автор демонстрирует, что решение вопроса о структуре потока сознания не может быть найдено только на уровнях самонаблюдения и наблюдения за поведением субъекта. Существенные перспективы в рассмотрении данного вопроса возможны только в случае включения в исследование дополнительного уровня — уровня нейронного коррелята сознания.

COGNITIVE MACHINERY AND THE PHENOMENAL FLOW OF CONSCIOUSNESS

DANIL RAZEEV. PhD in Philosophy, Professor and Chair of the Department of Philosophy of Science and Technology at the Faculty of Philosophy of the Saint Petersburg State University.

Address: 5 Mendeleevskaya liniya, 199034 Saint Petersburg, Russia.
E-mail: drazeev@gmail.com.

Keywords: stream of consciousness, overflow argument, the Sperling test.

One of the most important problems in contemporary philosophy is the topic of the stream of consciousness. This article deals with the so-called “overflow argument,” according to which the phenomenal flow of consciousness exceeds the cognitive machinery of consciousness. The author divides the stream of consciousness into two flows, the phenomenal flow (a-flow) and the cognitive flow (c-flow) and uses the concept of the Sperling test to demonstrate that the structure of the stream of consciousness cannot be determined solely on the basis of self-observation and behavioral observation. The additional neural level of observation, namely the so-called neural correlates of consciousness, provides us with a new perspective in considering this problem.

СЛИ, будучи взрослым человеком, вы зададитесь вопросом о том, что из всего многообразия переживаемого в опыте можно считать непосредственно данным, то довольно скоро обнаружите, что таким первично переживаемым оказывается не только и не столько непосредственно окружающий вас предметный мир, сколько цепь непрерывно протекающих внутренних переживаний во всем их разнообразии, в сложных модальностях и тонких оттенках (начиная с нежного чувства тепла, растекающегося по вашему телу от умеренного воздействия солнечных лучей, до внезапных перепадов настроения или внутреннего диалога с тем, кто вас обидел или причинил вам боль). Всю эту цепь переживаний, фиксируемых вами, взрослым существом, можно назвать потоком сознания. Замечу сразу, что о взрослом человеке речь идет не случайно, коль скоро именно как взрослое существо вы способны зафиксировать и, более того, сообщить другим о своем потоке сознания, в отличие от инфанта или животного тела человека, вынужденного в силу тех или иных обстоятельств влачить вегетативное существование. Что же представляет из себя поток сознания, данный нам непосредственным образом или по меньшей мере кажущийся нам данным непосредственным образом?

Мне представляется, что извечный для философии вопрос о потоке сознания благодаря существенному прогрессу в неинва-

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 13-06-00902. Автор благодарит Анастасию Козыреву, Марию Секацкую, Сергея Левина за ценные замечания к тексту статьи, а также Артема Гриднева за иллюстрации к ней.

живных способах наблюдения за человеческим мозгом и воздействия на него в экспериментальных целях обретает в наши дни совершенно неожиданные измерения. Для начала я перечислю эти измерения в виде проблем:

- Можно ли считать поток сознания специальным механизмом, возникшим у человека в ходе эволюции?
- Обладают ли таким механизмом другие животные, имеющие неокортекс, или гомогенетическую кору головного мозга?
- Исчерпывается ли поток сознания только теми переживаниями, в которых мы отдаем себе отчет и о которых мы можем сообщить другим?
- Можно ли зафиксировать какое-то соответствие (найти корреляцию) между потоком сознания и физическими (нейронными) процессами, происходящими в мозге?
- Можно ли зафиксировать такие нейронные процессы в мозге, которые не сопровождаются потоком сознания?
- Можно ли считать нейронные процессы, соответствующие переживаниям потока сознания, и нейронные процессы, соответствующие сложным высокоорганизованным механизмам, в которых мы не отдаем себе сознательного отчета, но которые регулируют наше поведение, независимыми физическими процессами, происходящими в нашем мозге?

На первый взгляд может показаться, что в вышеприведенном перечне проблем один из извечных философских вопросов весьма сложным образом переформулируется с использованием новомодной терминологии из области современной нейронауки. Моя задача — оценить перспективу того, действительно ли подобное переформулирование привносит что-то радикально новое в понимание самой сути указанного вопроса или же речь идет просто о создании сильно онаученного философского жаргона, на котором группе философов удастся паразитировать какое-то время, присосавшись к телу когнитивной нейронауки.

Для целей настоящей статьи я не буду касаться первых двух из указанных проблем, несмотря на то что они представляют собой исключительный интерес. Дело в том, что данные проблемы настолько глобальны, что выстроить хоть сколько-нибудь последовательную аргументацию для их решения или по крайней мере для задания какого-то четкого направления, следуя которому можно найти их решение, не представляется возможным без

привлечения довольно обширной современной научной базы. Более того, и последние три из обозначенных проблем также требуют обращения к обширному контексту из области современной нейронауки, однако я надеюсь, что их по крайней мере можно попытаться рассмотреть после обращения к третьей проблеме, разобрав ее в одном специальном аспекте, который активно обсуждается в течение последней четверти века в англоязычной научной литературе и который получил условное наименование *overflow argument* (договоримся переводить данное словосочетание как «аргумент переполненности»). Именно в свете данного аргумента я и собираюсь затронуть в настоящей статье проблему номер 3, то есть проблему различия в нашем потоке сознания между феноменальным рядом переживаний и тем рядом переживаний, который доступен благодаря (само)наблюдению и (вербальному) отчету.

АРГУМЕНТ ПЕРЕПОЛНЕННОСТИ

Если перейти сразу к делу, то суть аргумента переполненности заключается в том, что поток осознания, протекающий у условно взятого нормального взрослого живого существа вида *Homo sapiens*, превышает на некоторое неопределенно фиксируемое значение уровень происходящих в мозге этого существа высокоорганизованных процессов, регулирующих его поведение. Для понимания вышесказанного я предложу довольно огрубленную аналогию с потоком реки (рис. 1), в котором на разных уровнях протекают, скажем, холодное (с) и теплое (а) течения воды, при этом разница в температуре течений настолько ощутима, что мы можем сказать, что в общем потоке реки мы различаем уровень а-течения, протекающего поверх с-течения (те, у кого есть опыт плавания в открытых водных пространствах, понимают, о чем идет речь, когда наше тело ощущает нижний холодный и верхний теплый слой воды).

Дабы указанная аналогия сработала, необходимо избавиться от того предрассудка, что верхнее течение теплой воды (а-течение) представляет собой более сложное и важное течение по сравнению с нижним холодным течением (с-течением) или наоборот. В данной аналогии важно то, что а-течение и с-течение различаются лишь по своему уровню, то есть а-течение находится на более высоком уровне по отношению к с-течению. Вместе с тем важно иметь в виду одно существенное обстоятельство, а имен-

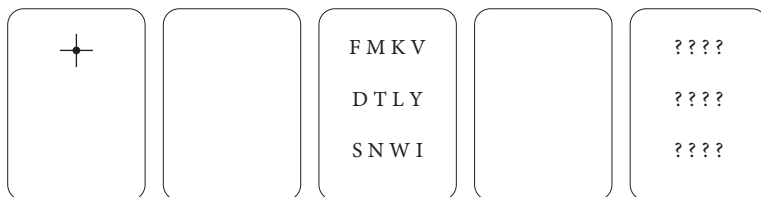
РИС. 1. Поток реки: а-течение и с-течение

но: если измерять общий объем воды в реке по уровню а-течения, то он будет несколько больше, нежели если измерять его по уровню с-течения. Чтобы аналогия была точно в цель, я попрошу сделать акцент еще на одном важном моменте. Различие между а-течением и с-течением становится заметным только в тот момент, когда часть нашего тела погружается в с-течение. Вплоть до этого момента нам кажется, что мы переплываем реку в одном-единственном потоке. Иными словами, верхнее а-течение становится для нас заметным только после соприкосновения нашего тела с нижним с-течением. Вот теперь мы готовы к концептуальному пониманию аргумента переполненности.

Аргумент переполненности утверждает следующее: поток сознания представляет собой совокупность сложных, высокоорганизованных на физическом уровне нейронных процессов, происходящих в нашем мозге, часть из которых протекает, не нуждаясь в том, чтобы быть заметными (а-течение), другая же их часть, напротив, должна присутствовать именно в заметном, доступном виде для того, чтобы оперативно регулировать наше дальнейшее поведение (с-течение). В этом смысле, как целое, поток сознания несколько переизбыточен, поскольку содержит не только нужные для дальнейшей регуляции нашего поведения процессы (с-течение), но и неиспользуемые, как бы происходящие вхолостую процессы (а-течение). Процессы с-течения в научной литературе именуются когнитивными, а процессы а-течения — феноменальными. Иными словами, аргумент переполненности утверждает, что феноменальный уровень сознания превышает когнитивные механизмы, необходимые сознанию для дальнейшей регуляции поведения, или, если выразиться более кратко и, возможно, более эффективно: феноменальный поток осознания содержит в себе нечто большее, чем когнитивные процессы в сознании. Значимость своего тезиса сторонники аргумента переполненности (Н. Блок,

РИС. 2. Тест Сперлинга (1960)

Ф. Дретске, М. Тай¹) часто демонстрируют с помощью так называемого теста Сперлинга², который, с точки зрения его сторонников, однозначно подтверждает их тезис (рис. 2).

Тест, разработанный Джорджем Сперлингом еще в 1960 году и закрепившийся в специализированной литературе под наименованием теста на иконическую память, состоит в том, что испытуемому сначала показывают карточку с точкой фиксации, затем пустую карточку, затем на очень краткое время (обычно на 50 мсек) предъявляют карточку, на которой в несколько рядов (как правило, в три-четыре ряда) расположено несколько букв (как правило, по три-четыре буквы в каждом ряду), затем вновь показывают белую карточку и в заключение просят испытуемого сообщить, какие буквы он видел. В стандартном тесте испытуемые утверждают, что «видели» все 12 букв на карточке, но из них правильно называют в среднем около 4 букв. Используя вышеприведенное разделение потока сознания на а-течение и с-течение, можно предположить, что из 12 букв, первоначально данных в а-течении, только 4 буквы оказываются когнитивно доступными в с-течении. Иными словами, предположение заключается в том, что в нашем визуальном сознании феноменальное а-течение (12 букв, которые видит испытуемый) намного превышает когнитивно доступное с-течение (4 буквы, которые испытуемый может корректно воспроизвести).

1. См.: *Bloch N.* Consciousness and accessibility // Behavioral and Brain Sciences. 1990. Vol. 13. № 4. P. 596–598; *Idem.* How many concepts of consciousness? // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. № 2. P. 272–274; *Idem.* Concepts of consciousness // Philosophy of Mind / D. Chalmers (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 206–218; *Dretske F.* Perception without awareness // Perceptual Experience / T. S. Gendler, J. Hawthorne (eds). Oxford: Oxford University Press, 2006; *Tye M.* Content, richness, and fineness of grain // Perceptual Experience.
2. См.: *Sperling G.* The information available in brief visual presentations // Psychological Monographs: General and Applied. 1960. Vol. 74. № 11 (498). P. 1–29.

РИС. 3

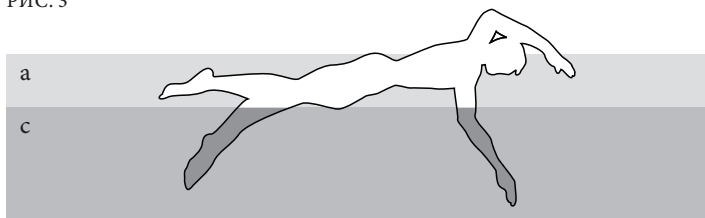
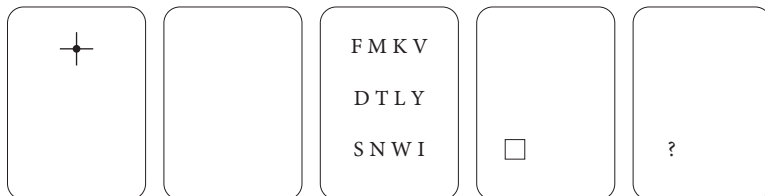

РИС. 4. Вариант теста Сперлинга (метод частичного отчета)

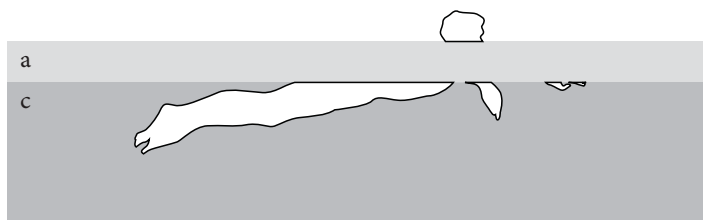

Воспользуемся еще раз нашей аналогией с человеческим телом, плывущим по реке (рис. 3), немного неестественным образом обернув саму эту аналогию: когнитивно доступной нам оказывается только та часть нашего тела, которая оказалась погруженной в холодное течение реки (с-течение), в то время как остальная его часть, погруженная только в теплое течение реки (а-течение), переживается лишь феноменально, на уровне первичных данностей, не переходящих в модус доступной нам информации.

Для сторонников аргумента переполненности привлекательным в тесте Сперлинга показалось, собственно, то, что на его примере возможно было наглядно продемонстрировать, что феноменальное содержание визуального сознания содержит что-то сверх когнитивно доступного содержания, то есть переполняет его. Тем более что к такому выводу склоняет нас и сам Сперлинг, который, доказывая наличие так называемой визуальной иконической памяти, модифицировал свой тест, применив так называемый метод частичного отчета. Разберем модифицированный им тест чуть более подробно (рис. 4).

После демонстрации карточки с буквами Сперлинг (я воспользуюсь одним из вариантов этого теста) показывал испытуемому другую карточку, на которой была изображена метка, расположенная на месте одной из букв, показанной ранее на карточке с буквами. Затем испытуемого просили назвать ту букву,

РИС. 5

которая стояла на месте метки в карточке с буквами (и затем это повторялось для каждой из букв). Результаты модифицированного теста Сперлинга превосходили ожидания. Оказалось, что, используя такой метод (как уже было отмечено, метод частичного отчета), он установил, что испытуемые могут назвать правильно гораздо больше букв (в среднем около 9 букв из 12), хотя в ответ на просьбу построить всю матрицу они опять же были способны правильно воспроизвести только 4 буквы. Разумеется, такой результат вполне подходит для сторонников аргумента переполненности, поскольку он лишней раз подтверждает их тезис о том, что феноменальное сознание обладает особым содержанием, которое нельзя свести к когнитивно доступному содержанию. И действительно, если читать результаты теста Сперлинга буквально, то получается, что в феноменальном а-течении визуального сознания нам дано гораздо больше содержания (мы видим практически все буквы, что подтверждается методом частичного отчета), нежели чем содержание, которое остается в нашем распоряжении в с-течении визуального сознания в качестве когнитивно доступного (мы располагаем лишь 4 буквами из 12).

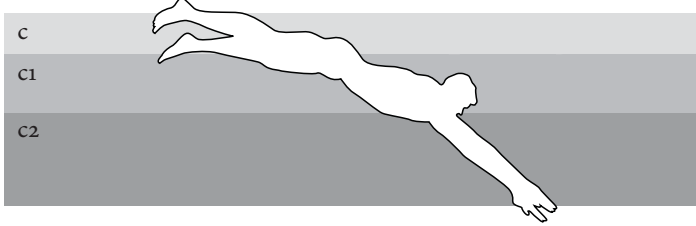
Привести веское возражение против аргумента переполненности, опирающегося на тест Сперлинга, оказывается совсем не просто. Грубо опровергнуть данный аргумент, заявив, что мы, собственно, видим ровно столько, сколько мы можем вспомнить (то есть редуцировать феноменальное а-течение до когнитивного с-течения), не удастся. Действительно, если вернуться к аналогии с телом в реке, то заявлять такое будет равносильно утверждению, что наше тело ограничено лишь той его частью, которая волей случая оказалась погруженной в холодное течение (с-течение) реки, и настаивать на том, что остальной его части, погруженной в теплое течение (а-течение), не существует вовсе (рис. 5).

КОГНИТИВНАЯ МАШИНЕРИЯ СОЗНАНИЯ

Если напрямую опровергнуть аргумент переполненности не представляется возможным, то остается косвенный путь — расширить объем когнитивно доступного содержания (с-течение) до феноменального содержания (а-течение) за счет приращения тех функций, которые задействованы в когнитивной машинерии сознания. В этом случае феноменальное содержание сознания можно будет считать частью когнитивного содержания. Я имею в виду следующее. Если внимательно присмотреться к примеру, приводимому в тесте Сперлинга, то обнаруживается, что у самого изобретателя данного теста речь идет вовсе не о визуальном потоке сознания, в котором можно выделить два течения — феноменальное и когнитивное. Напомним, что Сперлинг задумал свой тест в качестве теста на иконическую память, то есть такую кратковременную память (50 мсек), которая фиксируема в акте нашего визуального предметного восприятия. Современные исследования иконической памяти показывают, что ее диапазон можно расширить до 1,5 сек (парадигма Лендмана и др.³). Однако для разбираемого нами вопроса важен не столько диапазон иконической памяти, сколько само ее присутствие в потоке визуального сознания. Получается, что в потоке визуального сознания сопричастствует некоторый дополнительный механизм (механизм кратковременной иконической памяти), который, как можно предположить, и делает для нас доступным определенное содержание визуального сознания. Какие у нас есть основания полагать, что в визуальном сознании испытуемых дано что-то сверх того, что дается нам благодаря когнитивному механизму кратковременной визуальной памяти? Можем ли мы строить выводы только на основании утверждений испытуемых о том, что они видят больше, чем могут вспомнить? Достаточно ли подобных утверждений для того, чтобы признать наличие феноменального а-течения, превышающего по содержанию с-течение? То, что речь идет не просто об иллюзии испытуемых, демонстрируется в модифицированном тесте Сперлинга в соответствии с методом частичного отчета: испытуемые, несмотря на доступное им благодаря когнитивному механизму кратковременной визуальной памяти содержание из 4 букв, могут по-

3. См.: *Landman R., Spekreijse H., Lamme V. A. F. Large capacity storage of integrated objects before change blindness // Vision Research. 2003. Vol. 43. № 2. P. 149–164.*

РИС. 6

средством метода частичного отчета корректно указать содержание почти всех букв. Однако где гарантия, что в случае модифицированного теста Сперлинга у испытуемого не включается некий дополнительный когнитивный механизм, позволяющий сделать доступным для сознания *новое* содержание? То, что оно именно новое, принципиально важно. Иными словами, можно предположить, что в визуальном сознании испытуемого в случае модифицированного теста Сперлинга содержание букв, которое не стало доступным благодаря когнитивному механизму кратковременной памяти, впервые создается (а не воспроизводится) благодаря вступающему в игру *дополнительному* когнитивному механизму, скажем механизму внимания. Речь идет о том, что в изначальном и модифицированном тестах Сперлинга мы имеем дело с разными визуальными потоками сознания, поскольку имеет место количественная разница в когнитивных механизмах, включенных в игру в первом и втором случаях. Следовательно, онтологический статус феноменального а-течения оказывается под вопросом, раз становится все труднее дать четкое обоснование, чем он по содержанию отличается от когнитивного с-течения, дополненного еще одним когнитивным течением, скажем течением с'. Такая цепь рассуждений приводит нас к серьезной проблеме: не сводится ли так называемое феноменальное сознание к различным модусам когнитивного сознания? Не обстоит ли дело таким образом, если воспользоваться нашей аналогией с погружением человека в открытое водное пространство, что, погружаясь изначальное в теплое течение реки, мы можем достигнуть и холодного подводного течения, но для этого требуется приложить определенные усилия (рис. 6). Примечательно, что в таком случае поток реки в целом будет гомогенным (имея статус с-течения), различаясь лишь по уровням (с, с1, с2 и т. д.), до которых мы в состоянии, так сказать, донырнуть, используя доступные нам когнитивные механизмы.

Найти однозначное решение тому, сводится ли поток сознания исключительно к когнитивной машинерии сознания, оказывается весьма затруднительно, если выстраивать аргументацию, опираясь только на сообщаемые самим же субъектом данные о самонаблюдении (данные интроспекции, или феноменологии в узком смысле этого слова, которая, собственно, и оказывается под вопросом), а также на данные коллективного наблюдения за поведением того или иного субъекта (их можно назвать данными гетерофеноменологии), на которых во многом и строится психологическая наука. Ряд клинических случаев, описанных в психологической научной литературе, делают концепцию сознания как гомогенного когнитивного потока достаточно проблематичной. Здесь будет уместным упомянуть случаи так называемой ложной слепоты (*blindsight*), при которых больные страдают поражением участков коры головного мозга, отвечающих за обработку визуальных стимулов. Такие пациенты утверждают, что они ничего не видят, но при этом их поведение свидетельствует об обратном. Если вы попросите такого больного пройти в незнакомом месте, где его передвижению будет мешать ряд предметов, то, несмотря на то что он будет утверждать, что ничего не видит, своим телом он не заденет ни один из предметов, преграждающих ему путь. Не менее интересны случаи ложной слепоты у больных, утверждающих, что они не видят левую или правую часть визуального поля. Такому больному вы можете показать какой-нибудь предмет (например, телефон) в той части визуального поля, которое, по его словам, ему недоступно (допустим, слева). На прямой вопрос о том, что он видит, он ответит, что не видит ничего, что находится слева. Однако если вы попросите этого больного сказать какое-нибудь слово наугад, то он с большой долей вероятности произнесет слово «телефон». Эти известные примеры из области клинической практики показывают, что содержание потока визуального сознания невозможно полностью свести к содержанию, доступному когнитивной машинерии сознания. Они указывают на наличие «феноменального сознания» (*phenomenal consciousness*, термин Н. Блока, который противопоставляет его *access consciousness*, «доступному сознанию», отвечающему за когнитивные механизмы) или «информационной чувствительности» (*informational sensitivity*, термин О. Фланагана⁴). Другой вопрос — оказывается ли феноменальное поле обязательно большим по объему содержанием, нежели

4. См.: Flanagan O. *Consciousness Reconsidered*. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 1992.

когнитивное содержание, которое мы можем удержать в памяти, принять во внимание или сообщить. Только что упомянутые патологические случаи подталкивают нас к интерпретации, что феноменальное течение сознания может представлять из себя вариант некоторого расстройства когнитивной машинерии сознания.

Что мешает нам предположить, что феноменальное течение сознания есть результат определенного расстройства когнитивных механизмов памяти и внимания в визуальном потоке сознания (или даже отсутствия одного из когнитивных механизмов)? Примерно в таком направлении выстраивает свою аргументацию известный американский нейрочеловек К. Кох в своей полемике с Н. Блоком⁵, постулирующим в своих работах, как уже было отмечено, наличие особого феноменального сознания. Не отрицая онтологической независимости феноменального течения сознания (а-течения), К. Кох вместе с тем утверждает, что данное течение возникает благодаря угасанию в потоке визуального сознания когнитивного механизма внимания.

В ПОИСКАХ НЕЙРОННОГО КОРРЕЛЯТА СОЗНАНИЯ

Итак, приведенные выше аргументы склоняют нас к выводу, что предложить однозначное решение того, как можно зафиксировать и где установить четкую границу между феноменальным и когнитивным течениями сознания, не представляется возможным не только на уровне репортажей субъекта о своем потоке сознания, но и на уровне психологического исследования. Так разрешим ли тогда вопрос о различии между феноменальным и когнитивным течениями в потоке сознания? Более того, существует ли вообще данное различие? Если мы не можем с помощью психологического инструментария зафиксировать независимый от когнитивного феноменальный ряд переживаний сознания, а полагаться только на слова субъекта о наличии такого независимого феноменального ряда нельзя, коль скоро оно не может считаться достаточным основанием для научного рассмотрения указанного вопроса, то остается либо оставить вопрос нерешенным, либо искать какие-то дополнительные средства, которые могли бы пролить свет на рассматриваемую проблему.

5. См.: *Crick F., Koch C. Consciousness and neuroscience // Cerebral cortex. 1998. Vol. 8. № 2. P. 97–107.*

Мы живем в такое время, когда такие дополнительные средства появились. Дело в том, что активно развивающиеся новые технологии неинвазивного наблюдения за сложными физическими и химическими процессами, происходящими в нашем мозге (*FMRI, EEG, MEG, PET* и др.), дают нам дополнительный инструментарий, который может существенно повлиять на ход дальнейших дебатов о том, существует ли вообще так называемый феноменальный поток сознания поверх когнитивно доступного.

Неинвазивные средства наблюдения за процессами, происходящими в мозге, позволяют говорить о некоем дополнительном уровне описания, вступающем в игру при решении вопроса о базовой структуре потока сознания. Этот дополнительный уровень (дополнительный, напомню, к уровню самоотчета и самоописания, а также к уровню психологического наблюдения) можно назвать уровнем нейронного коррелята сознания, на основании которого можно создать карту всех тех объективных нейронных процессов, которые происходят в мозге, когда субъект фиксирует наличие потока сознания. Появление дополнительного уровня исследования дает новый стимул для решения вопроса о том, сводится ли феноменальное течение сознания к когнитивной машинерии.

Благодаря вовлечению в изучение вопроса нового (нейронального) уровня исследования, у нас появляется возможность проверки тех рабочих гипотез, которые были получены на двух других уровнях (уровне интроспекции и самонаблюдения и уровне психологического тестирования). Они таковы (ограничимся в данной классификации, как и прежде, лишь потоком визуального сознания):

- 1) феноменальное течение и когнитивное течение в потоке визуального сознания представляют собой различные самостоятельные механизмы;
- 2) феноменальное осознание визуального потока есть когнитивный механизм более высокого (второго) порядка;
- 3) в визуальное сознание всегда вовлечен механизм внимания;
- 4) визуальное сознание реализуется только в виде когнитивных механизмов.

Разумеется, для сопоставления этих гипотез необходимо обратиться более детально к современным научным данным. Примечательно, что мы имеем дело с тем случаем, когда философская проблема для своего решения нуждается в обращении к новей-

шей экспериментальной базе из области нейронауки. Какая из гипотез о потоке сознания поддерживается данными современной нейронауки — тема для отдельной научной статьи.

REFERENCES

- Block N. Concepts of consciousness. *Philosophy of Mind* (ed. D. Chalmers), Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 206–218.
- Block N. Consciousness and accessibility. *Behavioral and Brain Sciences*, 1990, vol. 13, no. 4, pp. 596–598.
- Block N. How many concepts of consciousness? *Behavioral and Brain Sciences*, 1995, vol. 18, no. 2, pp. 272–274.
- Crick F., Koch C. Consciousness and neuroscience. *Cerebral Cortex*, 1998, vol. 8, no. 2, pp. 97–107.
- Dretske F. Perception without awareness. *Perceptual Experience* (eds T. S. Gendler, J. Hawthorne), Oxford, Oxford University Press, 2006.
- Flanagan O. *Consciousness Reconsidered*, Cambridge, London, MIT Press, 1992.
- Landman R., Spekreijse H., Lamme V. A. F. Large capacity storage of integrated objects before change blindness. *Vision Research*, 2003, vol. 43, no. 2, pp. 149–164.
- Sperling G. The information available in brief visual presentations. *Psychological Monographs: General and Applied*, 1960, vol. 74, no. 11 (498), pp. 1–29.
- Tye M. Content, richness, and fineness of grain. *Perceptual Experience* (eds T. S. Gendler, J. Hawthorne), Oxford, Oxford University Press, 2006.

Декарт и равнодушный Обманщик

ГАРРИС РОГОНЯН

ГАРРИС РОГОНЯН. Кандидат философских наук, доцент факультета социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16. E-mail: rogonyan@gmail.com.

Ключевые слова: эпистемология, скептицизм, радикальная интерпретация, экстернализм, коммуникация.

Автор статьи показывает, как и благодаря чему метод радикальной интерпретации, предложенный Д. Дэвидсоном, справляется с теми проблемами, которые сформулированы в различных скептических сценариях. В частности, метод радикальной интерпретации лишает картезианский скептический сценарий (в традиционной и современной его версиях) убедительности и статуса философской проблемы как таковой. Используя различие между намеренным и ненамеренным обманом, можно показать, что сценарий глобального скептицизма получает свое разрешение в обоих случаях. В статье также рассмотрена возможность расширения того варианта натурализованной эпистемологии, который предложил У. В. О. Куайн, — прежде всего, за счет введения социального фактора.

DESCARTES AND AN
INDIFFERENT DECEIVER

GARRIS ROGONYAN. PhD, Lecturer at the Department of Sociology of the National Research University Higher School of Economics. Address: 16 Soyuz Pechatnikov Str., 190008 Saint Petersburg, Russia. E-mail: rogonyan@gmail.com.

Keywords: epistemology, skepticism, radical interpretation, externalism, communication.

The author shows how and why the method of radical interpretation proposed by D. Davidson can solve the problems that are formulated in a variety of skeptical scenarios. In particular, the method of radical interpretation renders the Cartesian skeptical scenario (both in its traditional and recent versions) obscure and even deprives it of its status of a philosophical problem as such. Appealing to the difference between intended and unintended lies, one can see how the global skeptical scenario gets solved in both cases. This paper also extends Willard Van Orman Quine's argument for an expanded version of a naturalized epistemology by introducing social factors to this approach. In addition, there are always at least two necessary limitations imposed by communication on our hypotheses about knowledge and delusion.

1. РЕДЛОЖЕННАЯ У. В. О. Куайном натурализация эпистемологии — в той мере, в какой до недавнего времени эпистемология составляла ядро западной философии, — предполагает в конечном счете натурализацию и самой философии со всем диапазоном ее проблем. Как известно, Куайн вместо поисков обоснования знания предложил сосредоточиться на описании генезиса и эмпирических механизмов получения этого нашего знания. Такой подход должен снять некоторые эпистемологические проблемы как не заслуживающие серьезного отношения или передать их в ведение частных наук, которые и решали бы их, исходя из конкретных эмпирических исследований. Сама философия при этом должна стать продолжением этих наук, опираясь на то знание, которое они ей предоставляют¹.

В эпистемологии такой подход затрагивает прежде всего проблемы философского скептицизма: натуралистская установка по отношению к знанию и языковому значению лишила бы скептика его привычных аргументов, ориентированных на нормативное обоснование, а не эмпирическое описание наших убеждений. Понятно, что для скептика такой подход выглядит, скорее, как уклонение от его проблем, поскольку для него это еще один вариант того самого эмпиризма, которому он предъявляет свои тре-

Данное научное исследование (№ 12-01-0040) выполнено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 годах.

1. Впрочем, мы можем наблюдать сегодня и своеобразную натурализацию самих естественных наук — прежде всего в виде социологии науки. Разумеется, это не встречное движение, а, скорее, развитие куайновской программы натурализации знания.

бования. И, как полагал Дональд Дэвидсон, не обосновательно, поскольку предложенная Куайном натурализация эпистемологии не дает удовлетворительного ответа на угрозу эпистемологического скептицизма, и даже более того — прямо ведет к нему². Такая натурализация лишь предлагает новых сомнительных эпистемологических посредников между нашими убеждениями и миром. Описание причинной связи между убеждениями и миром в терминах опыта, чувств, ощущений, сенсорного воздействия и т. д. не может дать полноценного обоснования истинности наших убеждений, поскольку обоснованием для одного убеждения может быть только другое убеждение³. Но, с другой стороны, и согласованная совокупность убеждений еще не является решением скептических проблем, если она по-прежнему предполагает противопоставление убеждений миру — по отдельности или в целом⁴. Поэтому Дэвидсон предложил свой вариант натурализованной эпистемологии, опирающийся на «минималистский» (или дефляционный) анализ языковых значений и нередуктивистский натурализм в отношении сознания. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как и почему метод радикальной интерпретации, предложенный Дэвидсоном, вполне справляется (вопреки мнению многих критиков) с теми проблемами, которые предлагают различные скептические сценарии, — если, конечно, мы будем понимать предложенную Куайном натурализацию в более широком смысле.

2. С некоторых пор скептику стараются не отвечать напрямую — вместо прямого ответа лучше предложить концептуальное разрешение его проблем, то есть показать, что они, по сути, и не являются реальными проблемами. Однако Дэвидсон, судя по всему, хотел дать именно прямой ответ скептику, принимая тем самым, как и Барри Страуд, скептицизм всерьез⁵. Но, в отличие от Страуда, он относился к скептической проблеме как к разрешимой, хотя и не в смысле ее концептуальной терапии: опровергать скептика — прямо или косвенно — значит слишком драматизировать ситуацию. Есть возможность дать прямой ответ, если, конечно, понимать гипотезу скептика именно как *вопрос*. Поэтому если, на-

2. Davidson D. Epistemology Externalized // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 194.

3. *Idem*. Coherence Theory of Truth and Knowledge // *Ibid*. P. 141.

4. *Ibid*. P. 140.

5. Stroud B. Taking Scepticism Seriously // Stroud B. Understanding Human Knowledge: Philosophical Essays. Oxford: Oxford University Press. P. 38.